

Вырезка из газеты

КОММУНИСТ

- 9 ФЕВ 1982

г. Ереван

ПРИЗНАНИЕ

НЕСКОЛЬКО лет назад мне довелось присутствовать на творческом вечере в Политехническом музее. Вечер был посвящен кино. Вел его талантливый писатель и публицист Леонид Жуховицкий. По обе стороны председательствующего сидели Александр Митта и Ролан Быков. Вечер тот удался на славу. О нем я писал пространный репортаж для рубрики «Клуб друзей кино» одной из газет. И сейчас вспомнил о нем вовсе не всуе. Помнится, Александр Митта долго и доказательно говорил о проблеме, которую можно определить двумя словами «Кино и время». Дело в том, что буквально на глазах одного поколения происходит настоящая переоценка ценностей. Вчерашний признанный шедевр сегодня кажется рядовой лентой, во многом наивной, а иногда и просто нелепой. В этом вопросе лично для меня есть один классический пример. Индийский кинофильм «Бродяга».

В середине пятидесятых годов во время службы на флоте мне и моим товарищам довелось посмотреть эту картину... тридцать девять раз. На корабле другой ленты не было, вот и крутили каждый день. Я уже знал наизусть весь текст, а все смотрел. И чего греха таить, смотрел, как, думаю, и миллионы тогдашних зрителей, с величайшим удовольствием. Но вот годы спустя на афишах камчатских кинотеатров вновь появилось знакомое слово «Бродяга» с портретами архипопулярного Раджа Капура. Решил устроить своеобразный юбилей. Посмотреть фильм в сороковой раз. И посмотрел. Еле высидел до конца.

Что же изменилось? Специалисты говорят, изменился зритель, который заставил измениться кино. И, конечно, наоборот: кино, совершенствуясь, подняло до себя камого зрителя. Такая вот взаимозависимость, взаимобусловленность. На том памятном вечере приводились примеры. Назывались фильмы, которые некогда с жаром были приняты зрителем, а потом забывались. Назывались и такие, которые все-таки, что бы там ни говорились, смотрятся. Среди них была и армянская лента «Песня первой любви» Юрия Ерзинкяна.

Недавно я вновь смотрел «Песню первой любви». Спусти почти четверть века. Смотрел и ловил себя на мысли, что не могу быть объективным. Как не могу быть объективным к режиссеру-постановщику Юрию Ерзин-

кяну, с которым мы к тому времени успели подружиться. Мне была близка и дорога лента, наверно, еще и потому, что она вернула меня к юности, к студенческим годам, к песням и модам тех лет. И я как-то осязаемо, что ли, почувствовал, какую большую ценность представляют собой старые кинофильмы, являясь, как бы «картинной» летописью эпохи, времени. Думаю, придет время, когда по кинолентам, и не только документальным, будут судить о каждом отрезке истории. А таких вот летописей у Юрия Ерзинкяна уже набралось множество. Это «Пленники Барсова ущелья» и «Кольца славы», «Мосты через забвение» и «Хатабала», «Этот зеленый, красный мир» и «Снег в трауре». И многие другие. Фильмы разные и о разным. По-настоящему удачные и менее удачные. Но их объединяет искренность и страстность.

Помнится, как много было споров вокруг «Хатабалы». Фильм, что называется, получился, удался. А вот спорили. Мол, все не так, как у Сундукяна. Мол, автор сценария Агаси Айвазян и режиссер замахнулись на самого классика, привнося в произведение то, чего не было у Сундукяна. В газетах даже приводились примеры: в пьесе нет сцены покупки Замбаховым покойника-«родственника». У Сундукяна Замбахов вовсе не устраивает сцены смотрины, когда он навязывает Масиану уродливую Маргарит. Многого нет в пьесе. И все же веришь. Ибо авторы, говоря словами великого Сарьяна, ни на мизинец не изменили правде сундукяновской, миру сундукяновских образов. Так что, говоря об искренности и страстности художника, хотелось бы прежде всего подчеркнуть преданность его правде.

Я всегда веду записи. Хотя редко кто мог видеть меня с блокнотом и карандашом в руках. За исключением разве непосредственной работы, связанной с газетным заданием, или во время экспедиций. Стараюсь запомнить. И перо беру в руки, когда уже остаюсь наедине с собой. Мне думается, запоминать — это тоже процесс творческий. Это как у художников этюды. С некоторых пор в моем блокноте

стало появляться имя Юрия Ерзинкяна. И ничего в том удивительного. С некоторых пор мы стали и встречаться часто, и общаться часто. Я написал сценарий. Он по нему снимает фильм.

Вот мы и встречаемся. Общаемся. Меня поразило то, что Юрий Арамаисович — художник в прямом смысле этого слова. Он рисует.

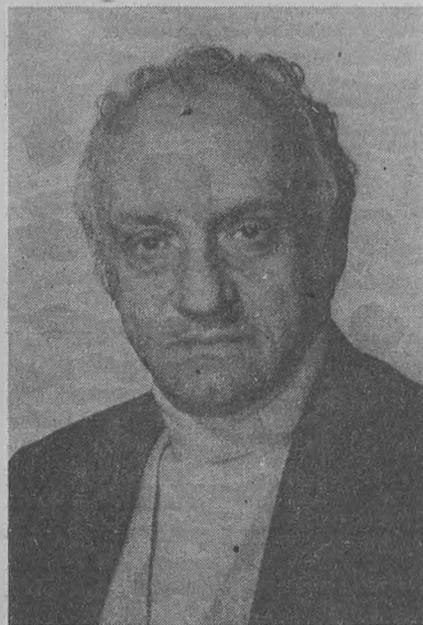
И делает это профессионально. Мало того, в кино пришел прежде как художник. Он занимался живописью, оформлял театральные спектакли, даже пробовал свои силы в жанре политической

нарикутуры. Более четырех десятилетий назад армянский зритель по достоинству оценил профессиональную зрелость молодого художника, оформившего спектакли «Татьяна Белкина», «На той стороне» в Русском драматическом театре имени Станиславского, «Эти звезды наши» — в Ленинкане и другие.

Причем, газеты тех лет непременно отмечали, что ерзинкяновское оформление «отличалось своеобразием решения сценического пространства, яркой живописностью, согласованностью декораций и костюмов...» И обо всем этом я узнал не от Юрия Арамаисовича. От других. Или из периодики. Из газет узнал и о том, что во время войны совсем еще молодой художник руководил мастерской сатирического плаката «Агит-окна». В печати не раз отмечалось, что Ерзинкян пришел в кино не случайно. Он вольно или невольно готовил себя к встрече с кинематографом, которому он преданно служит вот уже сорок лет.

В искусстве, как и в медицине, принято говорить о школе, как о визитной карточке, как о критериях, эталонах. В этом отношении Юрию Ерзинкяну повезло. Его учителями были выдающиеся художники современности Барнет, Симонов, Ромм.

Во время съемок в открытой морозной тундре я случайно узнал, что скоро Ерзинкяну исполняется шестьдесят. Мне захотелось рас-



сказать читателям о народном артисте республики, лауреате Государственной премии.

И взялся я за перо не после того, как специально собрал материалы о юбиляре, а хорошо уже зная его. Мне не хотелось заниматься анализом творчества режиссера Ерзинкяна. Один только полный перечень всех его художественных и документальных лент занял бы немало страниц. О нем писали выдающиеся деятели культуры и искусства и его непосредственные коллеги по армянскому театру и кино. Его фильмы удостоены многих премий. И все же для меня самым памятным и впечатляющим был тот вечер в Политехническом, когда в довольном скудном списке «нестарееющих» кинолент я обнаружил фильм тогда еще незнакомого мне Юрия Ерзинкяна. И сейчас, когда пишу эти строки, ловлю себя на том, что жизнь моя в чем-то была бы обкрадена, если бы не сошлись наши пути-дороги с Юрием Арамаисовичем. И я пишу о нем, зная его. А это очень важно.

Важно, знать человека.

Верить в него.

Верить не только в то, что уже признано современником и оценено им. А верить в будущее.

Ибо трудно себе представить жизнь настоящего художника без будущего. Тем более, когда ему есть что сказать людям.

Зорик БАЛАЯН.